

Глава 9. Что за штука такая — любовь?

Полная луна застыла в зените, море облаков погрузилось в безмолвие. В тени деревьев сидел человек, перебирая струны пипы.

Мелодия, казалось, пришла из глубокой древности — протяжная, туманная, исполненная изящества старых мастеров. В её звуках оживали картины природы, в них слышалась тоска по далекой красавице, что была одновременно недосыгаема и близка, словно этот чистый лунный свет. Музыка будила в сердце томление, заставляя желать того, к чему невозможно прийти.

Долгая ночь тянулась, опьяняя своей гармонией, и даже ветерок, поддавшись озорству, легко перепрыгивал с ветки на ветку, касаясь пальцев музыканта.

Мужчина был наделен редкостной красотой: брови вразлет, пронзительные глаза, густые ресницы и алые губы. В бескрайней тьме, подсвеченной лишь бледным диском луны, он сам казался источником сияния, вобравшим в себя блеск жемчуга и холодный мерцающий свет звезд. Когда его длинные пальцы касались струн, в каждом движении ощущалась первозданная, пугающая эстетика. Глядя на него, хотелось, чтобы время замерло, позволяя вечно хранить это мгновение.

— О-о-о... Шестой принц... пощадите...

Но спутником этого прекрасного зрелища был вовсе не аромат изысканного чая, а густой запах свежей крови.

Сюн Дин был избит до неузнаваемости: лицо превратилось в сплошной багровый отек, глаза заплыли, а одежда насквозь пропиталась кровью. За ним по земле тянулся длинный алый след, а голос, просивший о милосердии, сорвался на бессильный хрип.

Мелодия не смолкала. Под длинными пальцами струны то пели, то плакали, выплетая узор безупречной красоты. Чжу Янь даже не поднял век. Он оставался сосредоточенным и спокойным, словно не слышал ничего вокруг.

— Шестой принц...

— Ритм сбит.

Князь Цзянь наконец заговорил, и стоило ему замолкнуть, как удары, обрушивающиеся на пленника, стали еще яростнее.

— Шес...

— Снова ошибка.

— Ше...

— И опять не в такт.

Сюн Дин больше не смел просить. Он стиснул зубы, терпя боль, и лишь когда мелодия стала совсем тихой, едва различимой, решил, что песня подходит к концу.

— Шестой принц... сжальтесь... ничтожный человек правда... правда ничего не смыслит в музыке...

Звук пипы стал глубоким и бархатистым:

— Лжёшь. Продолжайте.

Мужчина зажмурился, не смея больше раскрыть рта, пока песня окончательно не стихла. Чжу Янь прижал ладонь к струнам, обрывая вибрацию:

— Ты специально пошел в лавку, чтобы испортить мою пипу, и после этого смеешь говорить, что не смыслишь в музыке?

— Ваше Высочество, пощадите... я и впрямь ничего не смыслю... — Сюн Дин дрожал всем телом, охваченный ужасом. — Я в ту ночь просто проходил мимо мастерской... Я не знал, что вашу пипу делают именно там. Не знал, из какого она дерева, какие на ней струны...

— В таком случае, расплатишься своей лопаткой. Костью пипы.

Сюн Дин застыл.

— Хоть она и грубовата, и линии в ней совсем не изящные, это единственное, что ты можешь мне отдать, — Чжу Янь мельком взглянул на него. — Придется тебе потерпеть. Раз уж ты уродился таким уродом, кость из тебя придется доставать заживо. Если умрешь — станешь еще безобразнее, на тебя и времени горения одной палочки благовоний смотреть не захочется.

Глаза несчастного налились кровью от лопнувших сосудов:

— Молю о прощении! Я не со зла! В ту ночь я правда лишь хотел украсть из лавки Хо цветочное мыло для своей возлюбленной...

— Возлюбленной? Женщины? — в голосе принца промелькнул интерес. — Она наверняка красивее тебя, и форма её костей куда изысканнее.

Сюн Дин мгновенно насторожился:

— Нет-нет, выслушайте!.. В ту ночь, кроме меня, там были и другие. Они не за мылом пришли... Я помню, что был очень осторожен и ничего не трогал, но ваша пипа оказалась сломана... Это они! Это точно они сделали!

Чжу Янь слегка приподнял бровь:

— О?

— Наверняка они! — Сюн Дин облизнул губы и склонился в земном поклоне, пряча в глазах лихорадочный расчет. — Позвольте доложить, я... я запомнил их лица. У главаря лицо длинное, на руке шесть пальцев, а возле носа — огромная бородавка... Я смогу их найти!

— О, так ты решил ставить мне условия? — Его Высочество поднял руку. — Терпеть не могу условия.

Снова послышались звуки ударов. Казалось, эта картина доставляла ему странное удовольствие. Его пальцы вновь коснулись струн, начиная новую песню. Пленник был на пределе. Он чувствовал, что сегодня не выйдет отсюда живым.

— Хе... хе-хе... Какой там «драгоценный отпрыск», «сын небес»... Тиран, для которого жизнь человека — сор под ногами... Такой, как ты, может внушать только страх. Никто и никогда в жизни тебя не полюбит, никто не пойдет за тобой по доброй воле!

«Полюбит? По доброй воле?»

Пальцы Чжу Яня, ласкавшие струны, двигались с необычайной нежностью.

«Что это за вещи такие? Разве могут они сравниться с пипой? Моя пипа — создание кроткое и утонченное, порой она бывает забавной, порой — своенравной и непокорной, отказывается петь и не слушается рук. Но при этом она верна мне до конца... Любит она меня или нет, ей никуда от меня не деться»

— Как можно сравнивать пипу с человеком... — взгляд Сюн Дина остекленел.

— И то верно. Разве человек может сравниться с пипой?

Чжу Янь посмотрел на него:

— Ты испортил мою вещь. Разве ты не должен за это заплатить?

Этой ночью полнолуние было особенно прекрасным. Высокородный господин, омытый лунным светом, казался воплощением благородства. Однако его собеседника пробрал смертельный холод.

— Безумцу не суждено подняться выше. Ты кровожаден, жесток и лишен милосердия. Тебе не стать Наследным принцем, ты закончишь жизнь в муках!

— Прекрасно сказано.

Князь Цзянь закончил игру:

— Именно поэтому я ни в чем себе не отказываю и поступаю так, как велит сердце. Разве такая жизнь — не предел блаженства?

— Какой принц не мечтает о троне?.. — Сюн Дин осекся.

— Те, кто мечтают о троне, вынуждены заискивать передо мной и приручать этого безумца. Нет ничего, чего бы я не смог совершить, и нет никого, кого бы я не смог убить. Разве это не прекрасно?

Мужчину забила крупная дрожь. Он понял: теперь, когда он услышал это, ему точно не жить.

— Что... что ты собираешься делать?..

В этом и заключался метод Шестого принца. Чжу Янь поднялся со своего места:

— Не бойся. Пока ты не умрешь, я не позволю другим причинить тебе вред.

— Другим?.. Почему они должны мне вредить?.. — Сюн Дин не понимал.

Чжу Янь улыбнулся:

— Из-за меня.

— Ты хочешь, чтобы меня уничтожили... — тело пленника содрогнулось в конвульсии, глаза закатились, и он потерял сознание от ужаса.

Стражники действовали быстро. Человека тут же уволокли прочь, и вскоре один из них вернулся с докладом:

— Ваше Высочество, лекарь прибыл. Раны Сюн Дина не смертельны, он выживет. Помещение подготовлено, оно находится прямо напротив задних ворот тюрьмы Министерства наказаний. Пропустить его невозможно.

Чжу Янь молча смотрел на пипу.

— В тюрьме... — начал было приближенный в зеленом одеянии.

Принц внезапно швырнул инструмент ему в руки и развернулся:

— Она нехороша. Выбрось.

Страж в зеленом поймал пипу на лету. Он не спросил «как выбросить» и не стал продолжать разговор.

«Найти ту самую, единственную пипу, которая была бы безупречна во всём... Почему это так трудно?»

Казалось, Чжу Янь пришел сюда лишь по прихоти. Теперь, когда его интерес угас, он так же легко покинул это место. Ночной ветер крепчал, наполняя лес шумом, похожим на рокот волн. В этом лунном сиянии тонуло слишком много человеческих горестей.

Тюрьма Министерства наказаний

В самом глубоком и мрачном её пределе находилась особая камера. Вход в неё закрывал стальной замок, и вел туда лишь один путь, который даже не нуждался в присмотре стражи — узник всё равно не смог бы сбежать.

Впрочем, человек внутри и не думал о побеге. С него сняли чиновничье платье, оставив лишь белое исподнее. Волосы его были слегка растрепаны, но спина оставалась прямой. Он сидел спиной к решетке, подняв лицо к крошечному окошку под самым потолком, откуда проникал тонкий луч лунного света.

— Чэнь Юнъань, к тебе посетитель!

Снаружи донеслись шаги, и стражник выкрикнул имя, но узник не шелохнулся. Он застыл, словно камень, не подвластный времени.

— Брат Чэнь.

Пришедший молча поставил принесенный короб с едой и принялся расставлять закуски.

— Новое вино из дома Вань, «Весна в нефритовом кувшине». Неужто не попробуешь? Мне достался всего один сосуд, и я с трудом выкроил для тебя немного... Хорошее зерно нынче — большая редкость.

— Ло Линьчан? — Чэнь Юнъань наконец повернул голову.

Ло Линьчан был сухопарым стариком, чье лицо при улыбке покрывалось сетью глубоких морщин:

— Благодарю, что еще помнишь меня.

Узник посмотрел на него тяжелым взглядом:

— В Дворцовом приказе по делам сельского хозяйства больше нечего сажать?

Старик замялся.

— Знаешь, с таким характером тебе вовек не нажить друзей.

Чэнь Юньань пересел поближе, но лишь молча выпил чарку вина. Ло Линьчан вздохнул:

— Так ты и впрямь смирился? Не хочешь на волю?

— Ты пришел сюда не для того, чтобы уговаривать меня.

— Но если бы ты захотел... Неважно, ко Второму принцу или к Третьему — стоило бы лишь склонить голову, и тебя бы вытащили...

— Я не уйду. Можно выйти из тюрьмы Министерства наказаний, но из-под небес — не уйдешь.

Морщины на лбу Ло Линьчана прорезались еще глубже:

— Жизнь... только она дает надежду на будущее.

— Ты и впрямь веришь, что у меня есть будущее? — голос Чэнь Юньаня был пугающе спокоен.

— Кто может мне его дать?

— Любой из принцев...

Собеседник посмотрел на него пронзительно:

— То, что они предлагают — это будущее?

Ло Линьчан закрыл глаза:

— В море чиновничьей службы мы лишь ищем достойного господина.

— Разве ты — из таких, брат Ло? Нет, я знаю, что нет.

Губы старика задрожали:

— Ты ведь знаешь, я умею только землю пахать. И ищу я лишь одно...

«Надежду»

Лишь потому, что они были похожи в своем упрямстве, они и стали друзьями. Ни Второй принц, ни Третий не были достойными правителями. С тех пор как ушел Наследный принц, во дворце воцарилась удушливая атмосфера корысти. Неужели им суждено смотреть, как рушится Дали?

— Жалеешь? — спросил Ло Линьчан.

Чэнь Юнъянь покачал головой:

— Не жалею. Лишь горюю, что сил моих оказалось мало. Что сделал недостаточно.

Друг взял кувшин и до краев наполнил его чашу.

— В прошлом году в Цзяннани было наводнение, на северо-западе — саранча. В этом году весенний паводок сорвал сев. А до этого — два года то небывалых морозов, то иссушающего зноя. Ученые из Приказа небесных знамений уже предупредили: этот и следующий годы тоже не принесут добрых плодов, — Чэнь Юнъянь смотрел в пустоту. — Раньше можно было пополнять запасы из старых закромов, но теперь всё Дали на грани... А я оступился и больше не могу ни на что повлиять.

— Это наша вина. Мы служим в Дворцовом приказе по делам сельского хозяйства, но так и не смогли найти способа вывести лучшие семена.

— К чему эти слова, брат Ло? — узник поднял чашу. — С тех пор как ты пришел на службу, ты не вступал в клики. Вся твоя душа — в пашне и зерне. Ты забыл про порог собственного дома. Все земли севера и востока живы лишь благодаря тебе. Я оказался здесь и больше не помощник тебе. Отныне... всё ложится на твои плечи.

Ло Линьчан осушил свою чашу:

— Ладно. Ты ведь знаешь, каков я. Пахать землю — это по мне, а вот в чиновничьих интригах я смыслю мало. Ты молчишь и не желаешь оправдываться, но я, кажется, и сам догадываюсь... Зерно... Когда же в этом мире появится талант, способный вырастить добрые семена, чтобы напитать народ Дали, чтобы избавить людей от мук голода?..

Неужели Дали и впрямь исчерпало свою судьбу? Среди принцев нет ни одного великого мужа. Когда же те, кто ведет войны за власть, поймут: основой любого царства является покой и достаток? Отсутствие хлеба у народа — это корень великой смуты.

В чаше Чэнь Юнъяня отразились осколки лунного света:

— Я даже рад, что умру раньше.

По крайней мере, ему не придется увидеть этот крах своими глазами. Кого это волнует на самом деле?

— Молодой господин, вы решили выбрать темой декора просо и земледелие? — Нань Син шел вслед за хозяином, который только что закончил работу в поле.

Вэнь Жуань смотрел на сияющую, словно блюдо, луну. Он был доволен, что у него прибавилось земли, но чертовски устал. Ему хотелось лишь завалиться спать.

— Народ ценит пищу превыше всего. Разве я не прав?

В его словах была своя истина, но поместье князя Вэнь вряд ли придет в восторг. Обитатели этого дома привыкли к роскоши и вряд ли захотят видеть столь простые элементы на своем пиру.

Слуга осторожно подбирал слова:

— Я боюсь, как бы другие не использовали это как повод для насмешек.

— Не бойся. Этого не случится.

— Почему?

В глазах Вэнь Жуаня блеснула лукавая искра:

— Помнишь, когда мы только приехали в поместье, мы слышали об обыске и конфискации имущества? Кажется, это был Помощник министра налогов по фамилии Чэнь?

Зерно... Сейчас это не та тема, о которой можно говорить беспечно.

<http://bllate.org/book/15345/1372694>